

Суркова И. Ю.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ МИЛИТАРИЗМА: РИСКИ И ПОСЛЕДСТВИЯ ВОЙНЫ

Tyner J.A. Military legacies: a world made by war. N.Y.: Kent State University, 2010. 226 p. ISBN 0-415-99593-0.

Гражданско-военные отношения все чаще становятся предметом публичных дискуссий, что, в первую очередь, связано с реформированием армии и переходом военных профессионалов от типа «героических воинов» к «воинам-миротворцам». Новые формы использования вооруженных сил находят свое выражение в операциях по установлению, поддержанию и принуждению к миру [Смирнов, 2010. С. 15]. Это фактически легитимные способы использования насильственных мер на территории государств, чьи порядки не отвечают требованиям мирового сообщества. Однако для гражданского населения наибольшую угрозу несет не сама война, как вооруженная борьба двух армий, а применение определенного вида оружия. Джэймс Тунер (James A. Tyner), обратив внимание на изменения ландшафтов после бомбежек и взрывов на инвайронментальные, психологические и социальные последствия использования боевых средств в различных странах, затронул еще один пласт взаимоотношений армии и общества, обозначив его как «военное наследство». «Цена этого наследства измеряется в психологических травмах, физических страданиях и смерти, экономических потерях и общественной деградации, как платы многих невинных мужчин, женщин и детей, большинство из которых еще не родилось на той территории, где произошел конфликт» [С. 6].

Мирная жизнь – это лишь иллюзия, которая создает видимость спокойствия и благоденствия, позволяя людям верить в свою безопасность. Однако война, несмотря на возможную скоротечность, оставляет на земле свои следы, и мир – это продукт войны, скопление рисков и угроз, заставляющих жить в постоянном страхе за свою жизнь. Насилие проникает в повседневность, становится неотъемлемой частью жизни людей, не имеющих отношения к армии. Попадая в «мир, сделанный войной», вслед за Джэймсом Тунером, проходишь по полям сражений от средневековья до наших дней и наблюдаешь за модификацией оружия, которое набирает разрушительную силу от войны к войне, причем самые смертоносные разработки как раз были изобретены в мирное время. Если раньше можно было следить за ходом сражений непосредственно на поле боя, то сейчас схватки противников происходят над городами стратегического назначения, с каждой новой войной увеличивая количество жертв среди мирного населения. В такой битве уже нет сторонних наблюдателей, причем жертвами боевых действий становятся сами солдаты, жители воюющих стран, а иногда и население всего мира.

Оценка военных операций всегда неоднозначна, однако их легитимацию все чаще объясняют, используя теорию справедливой войны [Walzar, 1977], пытаясь обосновать необходимыми причинами и методами ведения. Как пишет Джэймс Тунер, право всех государств контролировать и защищать свои территории одобряется международным сообществом. Таким образом, в качестве справедливых причин выделяют самозащиту, сопротивление агрессии, терроризму, защиту прав человека [Данилова, 2007. С. 57]. В контексте национальной безопасности государства начинают тратить огромные средства на военные расходы, в том числе на содержание армии и военно-промышленного комплекса. Внешние и внутренние угрозы способствуют индустриализации милитаризма, и теперь уже война становится выгодной бизнесу, поскольку позволяет развивать военную промышленность, продавать оружие и, соответственно, осуществлять мощный приток денежных средств. Мир будет означать стагнацию подобных продаж, а также сложнее будет оправдывать чрезмерно большую долю национальных затрат на военную сферу [С. 16].

Кроме экономических факторов, провоцирующих развитие смертоносного оружия, автор демонстрирует целый набор альтернативных причин, не имеющих отношения к бизнесу. В качестве одной из них выступает психологическая травма, перенесенная солдатами в результате сверхстрессовых условий, когда возникает необходимость убийства. Избежать личного столкновения с противником позволяет изобретение вооружения, которое можно использовать на расстоянии. Однако побочным эффектом дистанционных видов оружия является высокая поражающая мощность не только армии противника, но и мирного населения. Речь идет об «эффекте бумеранга», описанного Ульрихом Бекем, когда «риски раньше или позже наступают и тех, кто их производит или привлекает из них выгоду» [Бек, 2000. С. 25–26].

Джэймс Тунер анализирует дискурсы в отношении убийства гражданского населения в различные эпохи, начиная со средневековья и заканчивая современностью, когда, благодаря Женевской Конвенции 1977 года в международном праве появился принцип гражданской защиты [С. 23]. Автор затрагивает проблемы идентификации мирного населения, ведь, например, в странах призывной армии практически все мужское население проходит армейскую службу. Во время войн организовываются партизанские отряды, в которых есть как женщины, так и дети. Получается, что войска сталкиваются с «целым вражеским населением». Образ врага конструируется благодаря хорошо отлаженной идеологической машине, которая навешивает этот ярлык на тех, кто сопротивляется, стреляет, бомбит, убивает. Однако исходя из теоретической рамки, предложенной Зигмундом Бауманом, проблема возникает не из-за самой природы насильственных действий, а из-за «симпатий и антипатий тех, кто печатает такие ярлыки и приклеивает их надежным

клеем» [Бауман, 2002]. В противном случае вообще сложно определить, кто является жертвой, а кто палачом.

Джэймс Тунер пытается отойти от стандартного деления на своих и чужих, доказывая то, что последствия войны касаются каждого, даже тех, кто еще не родился на свет, а логика изложения материала сосредоточена на последствиях применения различных видов оружия. Используя приемы драматизации, он привлекает внимание мирового сообщества к глобализации милитаризма, указывая на необратимые последствия, к которым придет человечество, продолжая разрешать конфликты военным путем. На страницах книги военнослужащие и пострадавшие в боевых действиях мирные граждане делятся своими воспоминаниями не как враги, а как жертвы войны. Порой эти рассказы слишком натуралистичны, перед глазами всплывают образы людей, страдающих от ранений или уже погибших, причем «знаки отличия идеального солдата: природные знаки силы и мужества, они же предмет его гордости, его тело – символ его силы и храбрости» [Фуко, 1999. С. 197] показаны через реализм смерти – «дорога была усеяна трупами... трудно было понять, что это люди» [С. 32]. При этом масштабы войны не имеют особого значения, когда речь идет о разрыве повседневности и смещении всех ценностных ориентиров, что наглядно демонстрируется при сопоставлении воспоминаний очевидцев нацистских пыток и людей, переживших террор красных кхмеров.

По следам войны, совместно с Джэймсом Тунером, мы попадаем в Анголу, Афганистан, Камбоджу, где до сих пор в недрах земли находятся миллионы невзорвавшихся мин. Статистические данные, которые приводятся в книге, свидетельствуют о том, что каждый год около 15 000–20 000 человек являются жертвами этого вида оружия [С. 63]. Проходит много лет с момента окончания войны, а люди не могут возделывать земли, ездить по дорогам, заниматься собирательством только потому, что большая часть минных полей даже не обозначена на картах. Изначально использование мин предназначалось сугубо для оборонительных целей, однако вскоре военные доктрины изменились, например, в Африке мины широко использовались для терроризирования гражданского населения. Кроме того, ценовой диапазон мин начинается от 3 долларов, что экономически выгодно [С. 69]. Безусловно, мины наносят серьезные травмы, сопровождаемые ампутацией конечностей. Лечение и постоперационная реабилитация может длиться годами, что накладывает непомерное финансовое бремя на членов семьи пострадавшего. Учитывая то, что государства, в которых закончились вооруженные конфликты, являются в значительной степени обедневшими, их инфраструктуры разрушены, а больницы могут испытывать недостатки в медикаментах и оборудовании, то смертность пострадавших от мин чрезвычайно высока. Джэймс Тунер пишет о том, что зачастую жертвы являются кормильцами для своих семей, а поскольку их новый статус – людей с ограниченными возможностями – просто не позволит устроиться на работу,

то жены и дети становятся нищими. В мире проводятся операции по разминированию, на которые тратятся большие деньги. Однако, несмотря на тенденцию отказа от использования мин, во многих вооруженных конфликтах они продолжают применяться. Так, во время войны в Ираке «американское военное ведомство сохранило за собой право использовать мины там, где сочтет нужным» [Во время войны... 2002].

Кроме мин, серьезное разрушительное воздействие несет в себе химическое оружие, которое активно использовалось в прошлом веке. Автор начинает историю химической войны с 428 г. до н. э. на Пелопоннесе и доходит в своем повествовании до ужасов Холокоста Второй мировой войны. К одним из самых серьезных последствий использования химического оружия привело применение вещества Agent Orange войсками США во Вьетнаме. После завершения гербицидной компании потребовалось много времени для восстановления пострадавших районов, однако большая часть почв стала непригодной для использования, а уничтожение лесов привело к исчезновению некоторых популяций животных [С. 107]. Самым страшным испытанием для населения Вьетнама и для комбатантов стало ухудшение здоровья, рождение детей с различного рода уродствами, а главное – неизвестность дальнейших мутаций. Автор обращает внимание на то, что с 1991 года каждый ветеран Вьетнамской войны, пострадавший от действия Agent Orange, имеет право на охрану здоровья и компенсации при потере трудоспособности, а с 1997 года стали оказывать поддержку и их детям. До сих пор ведутся споры о воздействии гербицидов на организм человека, поскольку причиной соматических заболеваний может быть «вьетнамский синдром», а не отравляющие вещества [Nyams, Wignall, Roswell, 1996. P. 400]. Воздействию химических веществ подверглись в большей степени не комбатанты, а жители Вьетнама, что не берется во внимание Правительством США. Так, Джэймс Тунер выражает удивление по поводу того, что до сих пор идут отказы по выплатам компенсаций жертвам, проживающим за пределами США, и мотивируется это тем, что последствия диоксинов на здоровье человека являются неопределенными [С. 111].

И, наконец, самым глобальным по масштабам разрушений является ядерное оружие. Автор погружает нас в повседневность мирных жителей Хиросимы и Нагасаки, показывает их рутинные действия за несколько минут до взрыва. Потом жизнь делится на «до» и «после», как у предыдущих жертв военных действий. Радиоактивное излучение уничтожило не только все живое в радиусе взрыва, но и осадками прошлось по всей Земле, серьезным образом изменив эко-систему. Ядерное оружие применялось только дважды, однако его испытания были осуществлены многократно, особенно во времена холодной войны, когда из-за политических амбиций необходимо было устрашать соперника.

В конце XX века стали больше говорить о разоружении, но встал вопрос, как утилизировать то, что уже сделали. Об этом достаточно подробно

рассказывается в книге, приводятся примеры захоронения оружия в разных странах, и то, как это пагубно влияет на экологию и на здоровье людей, живущих поблизости. Однако вызывает недоумение утверждение Джэймса Тунера относительно того, что «самым известным символом российского ядерного наследия является случай с Чернобылем» [С. 144]. Во-первых, взрыв на атомной станции произошел на Украине, где и находится г. Чернобыль. Если автор имел в виду советское прошлое, без относительно к конкретной на то время республике, то зачем в таком случае делать акцент на России. Во-вторых, если главная тема книги – военное наследие, то не понятен анализ последствий взрыва. В таком случае мы должны анализировать любые другие катаклизмы – наводнения, вулканы, землетрясения, из-за которых происходили катастрофы, в том числе и в военно-промышленном комплексе.

Бесспорно, автору удалось донести до читателей «эхо милитаризма» через психологические, физические, инвайронментальные, социальные, политические последствия использования различного рода оружия. Детальный статистический анализ позволяет проникнуть в глубину «военного наследия» и показывает реальную угрозу глобализации милитаризма для человечества. Возможно, драма войны излишне натуралистично преподнесена автором, поскольку подробное описание уродств у новорожденных детей, искалеченных тел после взрывов и пыток, погружают в жанр ужасов. Несколько выбивается из социального контекста подробный химический анализ отравляющих веществ, ядерного оружия и мин. Несмотря на это, книга является открытием для тех, кто не знает войны, попытка показать весь спектр военного наследия его глобальную угрозу и зачастую неопределенные риски.

Список литературы

- Бауман З.* Индивидуализированное общество. Москва: Логос, 2002 // URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/baum/03.php.
- Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- Во время войны США с Ираком Пентагон использует противопехотные мины* // NEWSru.com // Новости в мире // 2002. 11 дек. Среда.
- Данилова Н. Ю.* Армия и общество: принципы взаимодействия. СПб.: Норма, 2007.
- Смирнов А. И.* Взаимодействие общества и армии как социального института в современной России. М.: Ин-т социологии РАН, 2010.
- Фуко М.* Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.
- Huams K. C., Wignall F. S., Roswell K.* War Syndromes and Their Evaluation: From the U. S. Civil War to the Persian Gulf War // *Annals of Internal Medicine*. 1996. Vol. 125. № 5. P. 398–405.

Walzar M. Just and Unjust Wars. A Moral Argument with Historical Illustration. N. Y.: Basic Books, 1977.

Ирина Юрьевна Суркова

канд. социол. наук, доцент кафедры социологии, социальной антропологии
и социальной работы

Саратовского государственного технического университета,
научный сотрудник Центра социальной политики и гендерных исследований

электронная почта: irina.surkova@socpolicy.ru

Бочаров В. Ю.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ В СОЦИАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕ

**Григорьева И. А. Современная социальная политика:
возможности и ограничения: монография. СПб.: ЛГУ
им. А. С. Пушкина, 2011. 304 с. ISBN 978-58290-1090-4.**

Ирина Андреевна Григорьева – известный автор многих монографий и учебных пособий по проблемам социальной политики и социальной работы. Свою новую книгу она посвятила рассмотрению теоретических аспектов развития социальной политики, фокусируя внимание на детальном анализе взаимодействия субъектов социальной политики с государством, экономикой и гражданским обществом.

Трудно оспорить выдвигаемый И. А. Григорьевой тезис о том, что в России «не появилось критически ориентированного дискурса, направленного на то, что социальные науки нужны обществу для самопонимания и реконструкции пределов уникальности как самого общества, так и человека» [С. 164]. И автор в представленной монографии как раз и пытается преодолеть сложившееся положение. Рассматривая основные теоретические подходы и концепции социальной политики, автор подчеркивает значение актуализации социологического дискурса к анализу теоретических подходов к проблемам социальной политики, настаивая на том, что часто до сих пор «под социальной политикой подразумевается довольно расплывчатый набор практических мероприятий и теоретических подходов» [С. 12]. Во многом ситуацию «неустойчивости» теоретических конструкций автор сводит к кризису позитивистского подхода в социальных науках. И апеллируя